

Причинная связь в сложных ситуациях: уголовно-правовая наука и судебная практика¹

Г.А. Есаков

профессор, заведующий кафедрой уголовного права и криминалистики Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», доктор юридических наук. Адрес: 101000, Российская Федерация, Москва, Мясницкая ул, 20. E-mail: gesakov@hse.ru

Аннотация

Статья посвящена необычным случаям причинной связи в уголовном праве. Автор начинает анализ с критического обзора общих теорий, видя их недостаток в отсутствии решения специфических вопросов, таких как множественность причин, состояние потерпевшего, вмешательство третьих лиц. Наука наполнена отрывочно и асистемно решаемыми казусами, покоящимися на многостраничных обзорах философско-правовых концепций. Остается, с одной стороны, не вызывающая доверия разногласия мнений, не сведенных и не могущих быть сведенными к сколько-нибудь обозримому пространству, и, с другой, неясность в решении сложных вопросов. Все такие случаи разделены автором на три группы, названные соответственно: «кумулятивная причинность», «атипичная причинность» и «привходящая причинность». Применительно к каждой группе сформулированы общие правила привлечения к ответственности, основанные преимущественно на правиле *conditio sine qua non* и идее ограничения ответственности. Автор также раскрывает взаимодействие между различными типами причинности, например, трансформацию «кумулятивной причинности» в «привходящую причинность». Обзор судебной практики позволяет сформулировать четкие правила привлечения к ответственности, освобожденные от отягченных философских и теоретических построений. При этом автором допускаются альтернативные подходы, варьирующиеся от строгой приверженности объективистским соображениям (ограничивающим причинность и вменение) до оценки причинности через упречность поведения человека. В качестве подтверждения некоторых положений широко используются практика стран общего и континентального права. Предлагается общее правило, согласно которому деяние является причиной результата в уголовно-правовом смысле постольку, поскольку оно предшествует ему во времени; без него именно такой результат не наступил бы, и оно является последним во времени осознанным человеческим деянием перед результатом. При этом данное правило ограничивается в его применении с допущением возможных изъятий и уточнений. Автор также призывает не пытаться в будущем разработать общую теорию причинности, применимую ко всем массиву уголовного права. Вместо этого следует ожидать разработки специальных норм, востребованных на практике.

Ключевые слова

причинность, *conditio sine qua non*, теория эквивалентности, привходящая причинность, разрыв причинности, вменение результата.

Библиографическое описание: Есаков Г.А. Причинная связь в сложных ситуациях: уголовно-правовая наука и судебная практика // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2016. № 1. С. 81–102.

JEL: K14; УДК: 343

DOI: 10.17323/2072-8166.2016.1.81.102

¹ Автор выражает признательность доктору права П.В. Головненкову (Потсдамский университет) за пояснения относительно немецкой практики.

Одним из общепризнанных аксиоматических положений уголовного права является требование установления причинной связи как обязательного признака некоторых составов преступлений. При всей простоте и очевидности этого положения за ним скрывается теоретический массив, который в самом первом приближении необозрим. В этой области уголовного права делаются попытки наложить философские концепции на сугубо уголовно-правовые построения, судебная практика пестрит спорными и неоднозначными примерами. И если более 100 лет назад Н.Д. Сергеевский отмечал, что «литература... создала из учения о причинной связи одно из самых осложненных и запутанных учений общей части уголовного права»², то сейчас ситуация нисколько не улучшилась, так как количество теорий лишь увеличилось, все более и более запутывая и теоретиков, и практиков.

Представляя, возможно, интерес с точки зрения научной полемики, те или иные взгляды на проблему причинной связи никогда не должны служить самим себе, а быть пригодными в реальной жизни, отраженной в судебной практике. Последняя нуждается не в многостраничных опусах, а в понятных и применимых правилах; иное грозит размежеванием практики и теории, когда обе будут идти непересекающимися путями. Конечно, построение рабочих правил невозможно на пустом месте, но они *должны быть разработаны*, чего, к сожалению, почти не наблюдается в науке, пестрящей отрывочно и асистемно решаемыми казусами, покоящимися на многостраничных обзорах философско-правовых концепций. В сухом остатке по прочтении литературы и у студента, и у правоприменителя остается, с одной стороны, не вызывающая доверия разноголосица мнений, не сведенных и не могущих быть сведенными к сколько-нибудь обозримому пространству, и, с другой, неясность в решении сложных вопросов. Соответственно, в теории «в объемном, количественном выражении философские рассуждения преобладают над уголовно-правовой аргументацией, и... постоянно предпринимаются попытки обоснования преступности деяния аргументами, восходящими не к уголовному закону, а к вышедшим из научного оборота философским или — чаще — псевдофилософским суждениям»³, тогда как практика «бредет наощупь», предлагая противоречивые решения.

Не претендуя на полноту охвата вопроса, попытаемся обозначить три проблемные ситуации и возможные пути их разрешения с учетом исторического и зарубежного опыта. Это, в свою очередь, возможно, позволит сформулировать более общие правила⁴.

1. «Кумулятивная причинность». Название этой ситуации происходит от латинского *titulo*, что означает «складывать...; сгребать, сметать...; нагромождать, накапливать...»⁵. Она, в первом приближении, предполагает объединение усилий двух и более лиц, каждого из которых в отдельности было бы (предположительно или в действительности) недостаточно для наступления преступного результата.

(а) Наиболее простым примером кумулятивной причинности выступает *совместное и одновременное* причинение преступного результата лицами, действующими в соучастии: А и Б совместно избивают В, отчего В умирает. А и Б оба виновны в убийстве

² Сергеевский Н.Д. Русское уголовное право. Пособие к лекциям. Часть общая. Издание 7-е. СПб., 1908. С. 283.

³ Уголовное право: учебник. В 3 т. Т. 1: Общая часть / под ред. А.Э. Жалинского. М., 2011. С. 403.

⁴ В настоящей статье мы ограничимся, как общее правило, только умышленными преступлениями. Специфика причинной связи в неосторожных преступлениях, в особенности связанных с техникой, требует отдельного рассмотрения, и не следует исключать возможности создания специальных правил, приложимых только к неосторожным преступлениям. За пределами нашего исследования останутся также межотраслевые проблемы причинной связи. Например, экспертная практика в уголовном процессе с ее претензией на «монополию» в установлении «прямой» и «случайной» причинной связей не вполне согласуется с уголовно-правовыми конструкциями. Далее, гражданско-правовое конструирование причинности не должно с необходимостью совпадать с уголовно-правовым.

⁵ Дворецкий И. Х. Латинско-русский словарь. М., 2005. С. 213.

(п. «ж» ч. 2 ст. 105 УК РФ), поскольку, как разъясняется в п. 10 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 января 1999 г. № 1 «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)», «убийство признается совершенным группой лиц, когда два или более лица, действуя совместно с умыслом, направленным на совершение убийства, непосредственно участвовали в процессе лишения жизни потерпевшего, применяя к нему насилие, причем необязательно, чтобы повреждения, повлекшие смерть, были причинены каждым из них...». Выяснение того, чей удар был смертельным, были ли действия каждого в отдельности достаточны для причинения смерти или нет, представляется излишним, поскольку действия А и Б рассматриваются в единстве и в этом единстве выступают в качестве причины смерти В, как *conditio sine qua non* его смерти. Как отмечено в одном из решений Верховного Суда, «при наличии предварительного сговора на убийство и совместного участия виновных в процессе лишения жизни, и М., и П. оба правильно признаны соисполнителями группового, по предварительному сговору, убийства, независимо от того, от чьих из них действий либо от совокупности их действий наступила смерть Р.»⁶. В равной мере нет необходимости вдаваться в подсчет количества ударов и т.п. («несмотря на то, что Т. нанес Е. меньшее количество ударов, он, как правильно установлено судом, своими действиями также способствовал наступлению смерти потерпевшего, нанося удары по голове, в лицо»)⁷.

Если результат причинен несколькими лицами, действующими *независимо* друг от друга, и при этом установить, чей вклад в причинение результата оказался решающим, невозможно, действия всех являются причиной наступления результата⁸.

В немецкой литературе иллюстрацией кумулятивной причинности обычно служит случай отравления: А и Б независимо друг от друга подсыпают В яд, причем лишь объединенные две дозы яда способны причинить смерть⁹. Оба подлежат ответственности на основе правила *sine qua non*¹⁰.

⁶ См.: определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда России от 30 сентября 2004 г. № 59-О04-16 // СПС КонсультантПлюс.

⁷ См.: определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда от 14 января 2010 г. № 58-Д09-18 // СПС КонсультантПлюс.

⁸ При этом результат должен быть причинен именно несколькими лицами. Например, А и Б независимо друг от друга одновременно стреляют в В, оба попадают и тот умирает; и либо оба выстрела необходимы для наступления смерти, либо установить, чей выстрел оказался смертельным, не представляется возможным; А и Б подлежат уголовной ответственности за оконченное убийство (ст. 105 УК РФ). Напротив, если только один попадает в цель или удается установить, чей выстрел оказался смертельным, только «удачливый» стрелок подлежит ответственности за оконченное убийство, а менее «удачливый» — за покушение на убийство. В случае, если только один попадает в цель, но установить, чей это был выстрел, не представляется возможным, оба подлежат ответственности за покушение на убийство. Вменение именно покушения оправдано тем, что для обоих это будет минимально доказанный состав преступления; вменение состава оконченного убийства невозможно, так как имеются неустранимые сомнения в том, кто в действительности причинил смерть.

⁹ Существует более сложный для разрешения пример *альтернативной причинности*, когда А и Б *независимо* подсыпают В яд, однако при этом каждой дозы в отдельности достаточно для причинения смерти. Установить, чья доза привела к смерти, не представляется возможным, однако оба виновны в убийстве, так как, если можно так выразиться, смерть причинена «дважды». Немецкий Федеральный Верховный суд столкнулся со схожим казусом в деле пьяного адвоката из Гамбурга в 1993 г., убившего своего доверителя двумя выстрелами (каждый из которых мог привести к смерти) с разрывом в несколько минут (см.: *Entscheidungen des Bundesgerichtshofs in Strafsachen*. Band 39. S. 195). Обвиняемый был осужден за покушение на убийство соотнositельно с первым выстрелом (§ 212, 23 StGB) и за причинение смерти по неосторожности соотнositельно со вторым (§ 222 StGB). Вышестоящая инстанция сочла такую квалификацию неверной; со ссылкой на доктрину суд предложил рассматривать обе причины как равнозначные с точки зрения наступившего последствия в уголовно-правовом смысле и расценивать содеянное как оконченное убийство (§ 212 StGB).

¹⁰ См.: Жалинский А.Э. Современное немецкое уголовное право. М., 2004. С. 155–156.

Эта ситуация, которую можно именовать «одновременной кумулятивной причинностью», в современном мире встречается также в случаях принятия решения путем голосования, следствием которого стало совершение преступления, например, в сфере экономической деятельности. В такой ситуации члены совета директоров или иного коллегиального органа управления юридического лица (А, Б, В и др.) могут утверждать о недостаточности или, наоборот, ненужности их голоса в отдельности для совершения преступления. Тем не менее голосование, рассматриваемое как единое деяние, выступает в качестве *conditio sine qua non* наступившего результата. Именно к такому выводу пришел немецкий Федеральный Верховный суд в 1990 г. в деле *Ledersprayfall*, в котором несколько управляющих приняли совместное решение в ходе ведения бизнеса, следствием чего стало причинение телесных повреждений потребителям. Хотя каждый утверждал, что он являлся лишним при принятии решения, поскольку для его принятия было достаточно других голосов, суд рассмотрел их действия как единое целое¹¹.

В более сложном примере тайного голосования с разделившимися голосами, когда решение, следствием которого стало совершение преступления, принято большинством голосов, причинная связь также наличествует. Однако если достоверно установить, кто голосовал «за» принятие решения, не удастся, то и уголовное преследование будет невозможно за неустановлением лица, подлежащего привлечению в качестве обвиняемого¹².

(б) «Последовательная кумулятивная причинность» имеет место тогда, когда Б, действуя вслед за А, однако связано с ним¹³, совершает действия, которые только в сово-

¹¹ См.: Entscheidungen des Bundesgerichtshofs in Strafsachen. Band 37. S. 106.

¹² Кажущееся противоречие с ранее приводившимся примером (А и Б независимо друг от друга стреляют в В, только один попадает в цель, но установить, чей это был выстрел, не представляется возможным; оба подлежат ответственности за покушение на убийство) устраняется тем, что в казусе стрелков оба совершают как минимум покушение на убийство; при голосовании же те, кто голосует против, общественно опасного деяния не совершают, и остаются неустранимые сомнения в том, кто при тайном голосовании голосовал «за», а кто — «против».

¹³ При несвязанности действий имеет место привходящая причинность, и с учетом предлагаемого применительно к привходящей причинности правила разграничение связанных и нет действий будет иметь принципиальное значение для решения вопроса о наличии причинной связи. Границы такой «связанности» могут быть предметом дискуссии. Например, очевидно, что связанность имеет место при совершении преступления в соучастии; все остальные случаи могут обсуждаться лишь *ad hoc* с возможной выработкой общих правил. Интересно в связи с этим дело Б.А., осужденного за халатность (несмотря на неосторожный характер преступления, его факты в части установления причинной связи вполне пригодны для наших целей). Согласно материалам дела, Б.А., готовясь к сдаче дежурному по отделу внутренних дел Ж. своего табельного пистолета «ПМ», снаряженного 8 патронами, оставил указанный пистолет на столе в помещении дежурной части. В свою очередь, дежурный по ОВД Ж. в нарушение должностных инструкций стал осуществлять прием оружия непосредственно в помещении дежурной части. При этом, грубо нарушая правила сдачи оружия и требования безопасности, Ж. в целях проверки отсутствия патрона в патроннике взял пистолет Б.А., передернул затворный механизм, дослав патрон в патронник, и сразу же после этого, держа пистолет направленным стволом в сторону камеры содержания задержанных, нажал на спусковой крючок, в результате чего произошел выстрел. В результате действий Ж. находящемуся в камере для содержания задержанных лиц К.В. было причинено слепое пулевое огнестрельное ранение головы, повлекшее смерть потерпевшего. Президиум Московского городского суда признал осуждение Б.А. неправильным. Немного путаная мотивировка решения указывает, что Б.А., положив свой пистолет на стол в дежурной части ОВД, где находился только офицер милиции Ж., обязанный по должности обеспечивать соблюдение мер безопасности при обращении с оружием, не мог и не должен был предвидеть, что последний в нарушение всех правил и предписаний приведет указанный пистолет в боевое положение и здесь же произведет из него выстрел в направлении камеры

купности с действиями А причиняют преступный результат, тогда как ни действия А, ни действия Б в отдельности были бы недостаточны для этого.

В зарубежной литературе, в частности, в немецкой, последовательная кумулятивная причинность анализируется через «казус сковородки» (*Bratpfannenfall*)¹⁴. По обстоятельствам дела обвиняемая Ш. ударила за завтраком сковородкой отца, терроризировавшего семью; тот упал на пол. Когда он зашевелился, ее мать, М., нанесла ему еще один удар сковородой, после чего он скончался. Федеральный Верховный суд предложил нижестоящим судам определить автора смертельного удара. В литературе решение суда воспринято критически; одно из мнений сводится к тому, что обе женщины причинно связаны с результатом. Обосновывается это тем, что причинность в связи с действиями дочери не прервана, поскольку мать абсолютно новой (независимой от изначальной) причинной связи не создала, а как раз наоборот, использовала созданную дочерью ситуацию, так сказать, «зацепилась» за ее действия — без действий дочери не было бы действий матери. Поэтому причинная связь здесь не прервана, и влияние действий дочери продолжалось до наступления смерти отца. Даже если бы было доказано, что действия матери ускорили летальный исход, причинная связь прервана не была бы¹⁵.

В интересном шотландском казусе в течение 2,5 мин. двое обвиняемых последовательно, но независимо друг от друга нанесли потерпевшему несколько сильных ударов ногой в голову; эксперты затруднились с ответом на вопрос, какой именно удар был смертельным, отметив лишь, что в отдельности удары были бы недостаточны для наступления смерти. Высокий Суд юстициариев согласился с осуждением за тяжкое убийство (*murder*), отметив, что оба своими действиями способствовали наступлению смерти потерпевшего, т.е. являлись ее причиной¹⁶.

Прилагая к анализируемой ситуации, которая с точки зрения времени должна рассматриваться как единое деяние, правило *sine qua non*, можно сделать вывод, что и действия А, и действия Б должны считаться причиной наступающего результата.

2. «Атипичная причинность» имеет место, когда наступлению преступного результата способствуют иные обстоятельства, присущие только данному объекту или обстоятельствам обстановки посягательства, в отсутствие которых преступный результат не наступил бы. Наиболее часто атипичная причинность имеет место в связи с так называемыми «особыми свойствами» организма потерпевшего. Например, несчастье «ста-

---

административно задержанных. При таких обстоятельствах Президиум пришел к выводу об отсутствии вины Б.А. в преступной халатности, а также причинно-следственной связи между его действиями и наступившими последствиями (см.: Справка Московского городского суда от 4 апреля 2008 г. «О результатах обобщения работы надзорной инстанции Московского городского суда по уголовным делам за первое полугодие 2006 года» // СПС КонсультантПлюс). В зависимости от того, признаем ли мы действия Б.А. и Ж. связанными, можно говорить о последовательной кумулятивной причинности или о приводящей причинности. Поскольку, как установил суд, Б.А. сдал пистолет, находящийся на предохранителе, патрон в патроннике отсутствовал, каких-либо посторонних лиц в этот момент в дежурной части не было, и опасности несанкционированного использования оружия другими лицами не существовало, а Ж. по своей инициативе взял пистолет, перевернул затвор, направил ствол пистолета в сторону камеры задержанных, после чего произвел выстрел, которым смертельно ранил потерпевшего К.В., то предпочтительным видится решение в пользу отсутствия связанности действий. Ситуация уже переводится в рамки приводящей причинности и разрыва причинной связи между действиями Б.А. и смертью К.В.

¹⁴ См.: *Neue Juristische Wochenschrift*. 1966. S. 1823.

¹⁵ См.: *Wessels/Beulke*. *Strafrecht. Allgemeiner Teil. Die Straftat und ihr Aufbau*. 39. Aufl. Heidelberg, 2009. Rn. 165. См. подробнее также: *Жалинский А. Э.* Указ. соч. С. 156.

¹⁶ См.: *Johnston and Wolard v HM Advocate*, 2009 SLT 535.

рушки с молоточком» в примере, приводимом А. В. Наумовым, выразилось в том, что ее постоялец имел аномалию черепа и умер от легкого удара по голове¹⁷.

Еще П. Фейербах писал, что «особенное телосложение поврежденного лица» не влияет на признание деяния причиной смерти¹⁸, поскольку оно остается деянием *sine qua non* по отношению к последней. При этом опасения о произвольном вменении результата следует считать беспочвенными, поскольку признание причинной связи еще не означает вывода о наличии вины. Соответственно, виновный, наставляющий на потерпевшего оружие с целью убить его, не может нести ответственность за убийство (определенно вменяемо только приготовление к убийству и дебатировано покушение), если последний умер на месте от испуга¹⁹, поскольку такое развитие причинной связи не входило в содержание его умысла. Не может нести никакой уголовной ответственности также старик, молящийся о смерти своего соседа, который, услышав это, умирает от страха²⁰: в содержание его умысла входит «замолить» врага до смерти, а не причинить ему смерть через испуг. Однако если виновный рассчитывает именно на «особые свойства» организма потерпевшего, в том числе его чрезвычайную мнительность и суеверность, то сколь бы маловероятным не было развитие причинной связи, наличествуют и она, и признаки субъективной стороны состава преступления.

Сложный для правоприменителя вопрос в ситуации с атипичной причинностью будет заключаться в том, что в действительности являлось причиной последствия: совершенное деяние или, допустим, заболевание потерпевшего? В деле Г. (осужденного (следуя действующему уголовному закону) по п. «а» ч. 4 ст. 131 УК РФ) приговор был отменен Верховным Судом СССР со ссылкой на неисследованность вопроса, что являлось причиной смерти, т.е. изнасилование, вызвавшее осложнения имевшихся болезней, и как следствие смерть, или сами по себе сердечно-сосудистые заболевания²¹. В другом примере, приводимом в литературе, также нет причинной связи: «У пожилого мужчины, получившего удар по лицу пряжкой от ремня, образовалась небольшая ушибленная рана в области левой брови. Войдя в дом, он присел на стул и тут же упал на пол. Вскрытие выявило гипертоническую болезнь и резко выраженный универсальный атеросклероз сосудов. Смерть наступила от острого расстройства сердечной деятельности»²².

Во французском праве «особые свойства» организма потерпевшего не влияют на причинную связь²³. В практике стран общего права последовательно считается, что особое состояние потерпевшего не устраняет причинной связи, поскольку согласно широко известному принципу, «обвиняемый должен относиться к потерпевшему в том виде, в каком он есть на самом деле» («правило тонкого черепа»)²⁴. В известном казусе (1936)

¹⁷ См.: Наумов А.В. Российское уголовное право. Курс лекций. В 2 т. Т. 1: Общая часть. М., 2004. С. 200.

¹⁸ Уголовное право. Сочинение доктора Павла Анзельма Фейербаха. Книга вторая, содержащая положительную или особенную часть уголовного права... СПб., 1811. С. 49.

¹⁹ См.: Шаргородский М.Д. Преступления против жизни и здоровья / Шаргородский М.Д. Избранные работы по уголовному праву / сост. Б. В. Волженкин. СПб., 2003. С. 113–114.

²⁰ См.: Там же.

²¹ См.: Бюллетень Верховного Суда СССР. 1969. № 5. С. 34–35.

²² Грицаенко П.П. О причинной связи между повреждением и смертью // Российский юридический журнал. 2010. № 1. С. 167.

²³ См.: Pradel J. Droit pénal. Tome 1. Introduction générale. Droit pénal général. Paris, 1996. P. 441.

²⁴ См., например: Ferguson P.R., McDiarmid C. Scots Criminal Law. A Critical Analysis. Dundee, 2009. P. 165–166; Burchell J., Milton J. Principles of Criminal Law. 3rd ed. Lansdowne, 2005. P. 219–220. При этом

единственный удар, нанесенный в челюсть, привел к смерти потерпевшего, больного гемофилией. Верховный суд Миссури счел, что болезнь не исключает причинной связи между нанесенным ударом и наступившей смертью²⁵. Схожий принцип применяется тогда, когда потерпевший смертельно болен, однако, в реальности его жизнь укорачивается ввиду отягчения течения болезни действиями виновного, «поскольку раненое лицо умирает не просто *ex visitatione Dei*, но наступление его смерти ускоряется полученным повреждением...»²⁶.

3. Наиболее сложной для разрешения является проблема «привходящей причинности», когда между поведением лица и наступающим преступным результатом «вклиниваются» силы природы или действия третьих лиц (в том числе потерпевшего), в отсутствие которых таковой результат не наступил бы. Попытаемся описать возможные варианты.

(а) Вмешательство сил природы именуется в зарубежной литературе «Божественным Провидением». В этом случае вслед за действиями А наступает событие X, без которого преступный результат не последовал бы: например, А связывает Б и оставляет его привязанным к дереву на пару часов, не обратив внимания на расположенный рядом муравейник. Укусы муравьев вызывают у Б аллергическую реакцию и шоковое состояние, оканчивающееся смертельным исходом.

В судебной практике стран общего права разрешение вопроса о причинности в этом случае увязывается с предвидением обвиняемого. Классические примеры, приводимые Э.Эшуортом, сводятся к двум ситуациям нападения на потерпевшего: в одном случае он попадает в больницу и умирает, заболев там скарлатиной (причинность исключается) (казус из Кентукки 1880 г.); в другом (новозеландский казус 1986 г.) беспомощный потерпевший оставляется на берегу моря, где вследствие прилива тонет (причинность не исключается, поскольку естественно происходящее событие было разумно предвидимо)²⁷.

Представляется, что причинная связь не устраняется вмешательством сил природы, сколь бы неожиданным оно ни было; в таком случае поведение обвиняемого остается последним человеческим действием перед наступлением результата и вполне удовлетворяет правилу *sine qua non*. Во всяком случае, судебная практика не испытывает сложностей в констатации причинной связи между деянием и наступающим результатом, если между ними проявляются еще и силы природы, осознаваемые обвиняемым: «В судебном заседании было установлено, что В. сначала, наряду с П., наносил удары потер-

---

«особые свойства» организма потерпевшего суды рассматривают не только в физическом, но и в ментальном плане. Так, в ярком примере «особых жизненных установок, способствовавших наступлению преступного результата», обвиняемый нанес погибшей четыре ножевых ранения, одно из которых повредило ее легкое. Жизнь потерпевшей была бы, безусловно, спасена, если бы она согласилась на переливание крови, однако, будучи Свидетельницей Иеговы, женщина по религиозным соображениям отказалась от операции, что вызвало ее гибель. Обвиняемый был осужден за тяжкое убийство, и английский Апелляционный Суд согласился с этим, указав: «...Те, кто применяют насилие к другим людям, должны относиться к своим потерпевшим в том виде, в каком они есть на самом деле. Это, по нашему мнению, означает человека в целом, а не только физическое тело... Вопрос для решения заключается в том, что причинило смерть. Ответ – ранение. Факт, что потерпевшая отказалась предотвратить наступление такого исхода, не разрывает причинной связи между действием и смертью» (см.: *Reg v Blaue*, 61 Cr App R 271, 274 (1975)).

²⁵ См.: *State v Frazier*, 339 Mo 966 (1936).

²⁶ *Turner J.W.C. Russell on Crime. A Treatise on Felonies and Misdemeanours*. 10th ed. Vol. I. L., 1950. P. 471.

²⁷ См.: *Ashworth A. Principles of Criminal Law*. 4th ed. Oxford, 2003. P. 127–128.

певшему по голове и телу, затем совместно нанесли удары ножом по шее потерпевшего, после чего также совместно срезали с него одежду, оставив Т., которому в ходе избияния причинили черепно-мозговую травму, обнаженным в холодное время года на земле»²⁸. Как видно из приведенной цитаты, вслед за избиванием в действие вступили силы природы, на которые рассчитывали обвиняемые, однако это не помешало признать именно их действия причиной смерти. Нет оснований менять вывод о наличии причинной связи и в том случае, если вмешательство сил природы было непредвиденным (например, пострадавший, попав в больницу с легким ранением, заболевает там воспалением легких и умирает); другое дело, что для наступления уголовной ответственности будет необходимо доказать еще и субъективные признаки состава преступления.

Отрицая причинную связь в этих случаях, можно прийти к сомнительному выводу об отсутствии состава преступления в тех случаях, когда виновный рассчитывает на силы природы в своих действиях (оставляет раненого на морозе, в лесу и т.п.). Ставить же решение вопроса о причинности в зависимость от их предвидения субъектом, означает смешивать субъективную и объективную стороны состава преступления.

(б) Вмешательство третьих лиц в цепь причинности представляет самый сложный для разрешения вопрос; в практике он встречается наиболее часто и, как следствие, накопилось множество противоречивых решений. С тем, чтобы обозначить возможные подходы, все случаи такого вмешательства следует разделить на осознанное и нет и отдельно рассмотреть неудачное медицинское вмешательство как привходящую причину.

(б1) Под *осознанным вмешательством третьих субъектов*, в том числе самого потерпевшего, мы понимаем их сознательно совершаемые действия; в принципе, они должны укладываться в формулу умысла, описанную в ст. 25 УК РФ. При этом вовсе не обязательно, чтобы такие лица были осведомлены о предшествующем поведении иного субъекта; наоборот, в большинстве случаев это не имеет места.

Обращаясь в самом первом приближении к ответу на вопрос о сохранении причинной связи в этих случаях, необходимо отметить, что уголовное законодательство и судебная практика как будто положительно отвечают на него. В частности, на протяжении последних десятилетий в практике прочно укоренилось правило, согласно которому ответственность за изнасилование, повлекшее по неосторожности смерть потерпевшей (п. «а» ч. 4 ст. 131 УК РФ), наступает, в том числе в случаях, когда потерпевшая, вынужденная спастись от насилия, гибнет в результате собственных неосмотрительных действий; равным образом «иным тяжким последствием» изнасилования (п. «б» ч. 3 ст. 131 УК РФ) может быть признано, например, самоубийство потерпевшей²⁹. В деле Ф. (и решение по этому делу фактически следует более ранним решениям³⁰) было признано обоснованным осуждение за покушение на изнасилование, повлекшее по неосторожности смерть, в ситуации, когда потерпевшая, осознавая неотвратимость группового изнасилования и пытаясь спастись, влезла на окно декоративной решетки, но упала на асфальт и разбилась насмерть³¹.

Конструкция ст. 224 УК РФ (схожие соображения применимы и к ст. 225 УК РФ) предполагает установление уголовной ответственности за последствия, наступившие как следствие использования огнестрельного оружия другим лицом.

²⁸ См.: определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда от 6 ноября 2008 г. № 4-О08-112 // СПС КонсультантПлюс.

²⁹ П. 17 постановления Пленума Верховного Суда от 15 июня 2004 г. № 11 «О судебной практике по делам о преступлениях, предусмотренных статьями 131 и 132 Уголовного кодекса Российской Федерации».

³⁰ См., например: Бюллетень Верховного Суда России. 1993. № 6. С. 5.

³¹ Бюллетень Верховного Суда. 1998. № 8. С. 5.

В п. «б» ч. 3 ст. 230 УК РФ установлена ответственность за склонение к употреблению наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, повлекшее по неосторожности смерть потерпевшего. При этом очевидно, что решение о потреблении указанных средств или веществ, собственно и влекущее те или иные последствия (наступление смерти вследствие, например, «передозировки», самоубийства, тяжелого заболевания и т.п.³²), принимается человеком, действующим по своей воле.

Один из достаточно старых примеров поведения потерпевшего, способствовавшего наступлению результата, связан с перевозкой в кузове самосвала людей, один из которых в ходе движения выпрыгнул из машины, попал под колесо и был раздавлен³³.

Пожалуй, исключительный случай, когда самостоятельные преступные действия третьих лиц были признаны не разрывающими причинной связи между исходным поведением обвиняемого и наступившими последствиями, встретился в 2011 г. в практике Московского городского суда³⁴. Осужденным по п. «в» ч. 3 ст. 286 УК РФ в качестве тяжких последствий превышения должностных полномочий был вменен ущерб, последовавший в результате хищения незаконно арестованного ими имущества неустановленными третьими лицами.

Итак, суды иногда признают установленной причинную связь между поведением обвиняемого и наступившими последствиями даже несмотря на то, что между первым и вторыми находились действия самостоятельных субъектов права. Основание такого подхода усмотреть легко: обвиняемый, запуская в действие «цепь причинности», несмотря на приводящие действия третьих лиц, должен быть, в конечном счете, порицаем за наступившие последствия, поскольку по отношению к ним может быть установлена его вина в форме неосторожности. Однако если следовать классической логике состава преступления, вина и причинная связь — это разные признаки состава, и наличие одного из них не означает с неизбежностью установление второго.

В теории уголовного права отсутствует однозначное решение поставленной проблемы. В дореволюционной доктрине вопрос об ответственности увязывался в основном с предвидением и виной. Н.Д. Сергеевский, к примеру, полагал, что «весь вопрос сводится... к определению того, как может и должно относиться сознание одного человека к будущим действиям другого...»³⁵. Соответственно, он выделял ситуации: а) действия бессознательные, приравниваемые к действиям сил неодушевленной природы (причинная связь сохраняется при условии расчета исходно действующим на эти действия (он их предусматривал или мог предусмотреть)); б) действия сознательные, но которые не могут быть поставлены в вину (в широком смысле слова, т.е. как в умышленную, так и в неосторожную) их совершившему (аналогично первой ситуации); в) наконец, действия, могущие быть поставленными в вину их совершившему. В последней ситуации только расчет исходно действующего на эти действия, его действительное их предвидение сохраняет причинную связь³⁶. Используя примеры с изнасилованием и превышением

³² П. 28 постановления Пленума Верховного Суда от 15 июня 2006 г. № 14 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами» // Бюллетень Верховного Суда. 2006. № 8.

³³ Приводится по: *Наумов А.В.* Указ соч. С. 202. Суд, правда, не признал причинной связи в этом случае, но сам пример и постановка вопроса показательны.

³⁴ Определение судебной коллегии по уголовным делам от 15 июня 2011 г. по делу № 22-7050/2011 // <http://www.mos-gorsud.ru/> (дата обращения: 20.10.2015).

³⁵ *Сергеевский Н.Д.* О значении причинной связи в уголовном праве / Сергеевский Н.Д. Избранные труды / отв. ред. А. И. Чучаев. М., 2008. С. 351.

³⁶ См.: Там же. С. 351–361.

должностных полномочий, можно заключить, что по Н.Д. Сергеевскому в этих казусах причинная связь прерывается ввиду отсутствия соответствующего предвидения.

По мнению Н.С. Таганцева, «при присоединении деятельности других лиц необходимо различать: а) присоединение деятельности, не вменяемой в уголовную вину ее учинившему, и б) присоединение деятельности, за которую уголовно отвечает ее виновник»³⁷. В ситуации (а) причинная связь не устраняется, и уголовная ответственность зависит исключительно от вины исходно действующего. Напротив, в ситуации (б) «как скоро привходящее лицо действовало умышленно, т.е. сознательно и волимо направляло свою деятельность на воспроизведение преступного результата, который благодаря этой деятельности и был осуществлен, то такая самостоятельная деятельность получает характер самостоятельно привступающей силы и, следовательно, прекращает причинную связь первоначально действовавшего с результатом»³⁸. Если же привходящее лицо действовало неосторожно, то «как скоро неосторожность была вызвана или обусловлена первоначальной деятельностью», причинная связь не устраняется; «и, наоборот, связь исчезает, как скоро неосторожное действие имело самостоятельный источник»³⁹. Используя примеры с изнасилованием и превышением должностных полномочий, можно прийти к выводу, что по Н.С. Таганцеву в первом казусе причинная связь сохраняется, тогда как во втором — нет.

В советской науке дискуссия со временем ослабла, и, как общее правило, было сформулировано положение, что умышленные привходящие действия третьих лиц разрывают цепь причинности. Так, по А.Н. Трайнину, к которому присоединяется М.Д. Шаргородский⁴⁰, «во всех случаях... где между деятельностью лица и результатом вступает посредствующая самостоятельная деятельность психически здоровых людей, причинная связь в условном смысле также прерывается»⁴¹. В.Н. Кудрявцев был более категоричен и отрицал причинную связь как в случае умышленных, так и в случае неосторожных привходящих действий: «...Лицо, создавшее своими действиями (бездействием) реальную опасность наступления преступных последствий, несет за них уголовную ответственность, если даже в причинную цепочку между действием (бездействием) и последствием вмешались силы природы, технические средства или действия невиновных лиц. Однако вмешательство *независимых виновных лиц* исключает ответственность первого лица за преступный результат»⁴². Исключение из этого правила, по его мнению, связано с особыми составами преступления в уголовном законе, т.е. преступлениями повышенной (расширенной) ответственности, когда в законе признаки поведения первого лица четко определены. В этих случаях «присоединение независимых сил или действий других лиц не исключает ответственности первого лица тогда, когда на первом лице лежала специальная *обязанность* по предотвращению вредного результата»⁴³. В равной мере сохраняется причинная связь и тогда, когда в цепочку вмешались виновные, в том числе преступные действия третьих лиц при условии, что предотвращение преступлений яв-

³⁷ Таганцев Н.С. Русское уголовное право. Часть общая. Т. 1. Тула, 2001. С. 526.

³⁸ Там же. С. 527.

³⁹ Там же. С. 527–528.

⁴⁰ См.: Шаргородский М.Д. Указ. соч. С. 111.

⁴¹ Трайнин А.Н. Уголовное право. Общая часть. М., 1929. С. 332.

⁴² Кудрявцев В.Н. Причинная связь в уголовном праве / Кудрявцев В.Н. Избранные труды по социальным наукам. В 3 т. Т. 1. М., 2002. С. 510.

⁴³ Там же. С. 513.

лялось обязанностью такого лица (например, ст. 225 УК РФ)⁴⁴. В современной доктрине прямо противоположной точки зрения придерживается В.Б. Малинин, полагающий, что «причинная связь не исключается... если между первоначальным действием и наступившим результатом вклиниваются другие силы: силы природы или деятельность других лиц, в том числе самого потерпевшего и т.п.»⁴⁵.

Таким образом, в вопросе о приводящих осознанных действиях третьих лиц в настоящее время наблюдается определенный «разрыв» между теорией уголовного права, с одной стороны, и судебной практикой и законодателем, с другой. Представители первой в большинстве своем отрицают причинную связь в случае осознанного вмешательства третьих лиц, тогда как суды склонны ее признавать.

В связи с этим можно обратиться к зарубежному опыту. В судебной практике стран общего права считается, что осознанное поведение третьих лиц ставит преграду на пути дальнейшего (т.е. направленного в прошлое) исследования цепи причинности, или, используя латинскую максиму, *novus actus interveniens*: «В общем и целом, волимое поведение обвиняемого обычно будет рассматриваться как причина... если оно являлось последним человеческим поведением перед результатом»⁴⁶. Таким образом, согласно классическому принципу *novus actus interveniens*, если третье лицо или потерпевший сделал осознанное решение поступить неким образом, осознавая возможные последствия, это, безусловно, является разрывом в цепи причинности. Еще в 1838 г. было решено, что если обвиняемый, являвшийся инженером паровой машины, остановил ее на время и покинул свой пост, однако, в его отсутствие посторонний запустил машину, так что погиб человек, первый не может нести ответственности за простое убийство, так как смерть должна быть причинена действием обвиняемого, а не последующим действием третьей стороны⁴⁷.

Вместе с тем, интересно отметить, что в начале 2000-х гг. английские суды попытались ограничительно истолковать правило *novus actus interveniens* в связи со случаями склонения к потреблению наркотических средств, вызвавшими гибель потерпевшего. Апелляционная практика придерживалась точки зрения, что осознанное поведение третьих лиц (в том числе потерпевшего) не будет являться *novus actus interveniens*, если оно было обычным при данных обстоятельствах и разумно предвидимым, или же если это третье лицо действовало совместно с обвиняемым (например, самостоятельно употребляло наркотические средства, приготовленные виновным)⁴⁸. Подобный подход вызывал возражения в теории уголовного права, где продолжала отстаиваться точка зрения, согласно которой «свободное, обдуманное и осознаваемое действие третьей стороны может разрывать цепь причинности даже тогда, когда поведение не только является предвидимым, но и было предвидимо»⁴⁹.

В итоге в 2007 г. Палата лордов поддержала теоретические соображения и отвергла сформулированное апелляционной практикой ограничение; по мнению лордов, если

⁴⁴ См.: Там же. С. 513–514.

⁴⁵ Малинин В.Б. Причинная связь в уголовном праве. СПб., 2000. С. 183.

⁴⁶ Ashworth A. Op. cit. P. 127.

⁴⁷ См.: *Reg v Hilton*, 2 Lew CC 214, 168 Eng Rep 1132 (1838).

⁴⁸ См.: *Reg v Finlay*, [2003] EWCA Crim 3868; *Reg v Kennedy (No 2)*, [2005] 1 WLR 2159.

⁴⁹ Reed A. Involuntary Manslaughter and Assisting Drug-Abuse Injection // Journal of Criminal Law. 2003. Vol. 67, № 5. P. 438. Критический обзор сложившихся к середине 2000-х гг. судебных и теоретических позиций см.: Jones T.H. Causation, Homicide and the Supply of Drugs // Legal Studies. 2006. Vol. 26, № 2. P. 139–154.

потерпевший сделал осознанное решение поступить неким образом, осознавая возможные последствия, это, безусловно, является *novus actus interveniens*⁵⁰. В решении Палаты лордов были с одобрением процитированы слова одного из видных сторонников правила *novus actus interveniens* Г. Уильямса: «Я могу обосновать причины, по которым вы должны что-то сделать; я могу настаивать, чтобы вы сделали что-то, говоря вам, что вы получите деньги за это, что это ваша обязанность так поступить. Мои попытки, возможно, сделают намного более вероятным то, что вы совершите это. Но они не станут причиной того, что вы совершите это, в том смысле, в каком поставить чайник с водой на кухонную плиту является причиной кипячения воды. Ваш добровольный акт рассматривается... как зачинающий новую длящуюся “цепь причинности”, не соотносимо с тем, что было до того»⁵¹.

При этом решение 2007 г. довольно проблематично согласовать с практикой судов, рассматривающей в ряде случаев осознанное поведение потерпевшего как не устраняющее причинной связи между поведением обвиняемого и наступившими последствиями. В известном английском казусе (1972) пострадавшая выпрыгнула из движущегося автомобиля после того, как обвиняемый начал домогаться ее. Апелляционный Суд решил, что поступок потерпевшей не разрывает причинной связи между действиями обвиняемого и последовавшим вследствие выпрыгивания из машины вреда ее здоровью, поскольку для этого поступок должен быть настолько «глупым», что его не предвидел бы ни один разумный человек, совершая свои действия⁵². Истоки этого правила прослеживаются к XIX в., и его с одобрением цитировал К. Кенни: «Если вследствие небрежности машиниста создается опасность крушения, и какой-либо пассажир, считая крушение неизбежным, выскочит из поезда и в результате погибнет, то ответственность машиниста за простое убийство этого пассажира будет зависеть от того, выскочил ли бы при этих условиях человек со средним самообладанием или это сделал бы лишь человек, отличающийся необычной боязливостью»⁵³. В современной доктрине данное изъятие обуславливается двумя условиями: во-первых, поведение потерпевшего должно иметь место как реакция на действия обвиняемого; во-вторых, оно должно быть разумно предвидимым⁵⁴.

В американском прецеденте (1932) потерпевшая после того, как ее попытались изнасиловать и сильно избили при этом, приняла яд. Суд решил, что ответственность обвиняемых за тяжкое убийство не исключается, поскольку по сути действия потерпевшей не являлись добровольными, так как она находилась в полной власти насильников⁵⁵. Самый парадоксальный пример нам удалось найти в южноафриканской практике (1953), когда потерпевшая, которой нанесли легкую рану в голову, не последовала совету своего хозяина (не поехала в госпиталь) и замотала рану грязными тряпками, вследствие чего через несколько дней скончалась от столбняка. Суд решил, что поведение потерпевшей

⁵⁰ См.: *Reg v Kennedy (No 2)*, [2008] 1 AC 269. К прямо противоположным выводам пришел шотландский Высокий Суд юстициариев в аналогичном деле, сочтя, что, хотя взрослый возраст и обдуманное поведение потерпевшего могут иногда влиять на разрыв причинной связи, однако, само по себе «обдуманное решение потерпевшего... с необходимостью не разрывает цепь причинности» (см.: *MacAngus v HM Advocate*, 2009 SLT 137, 151).

⁵¹ *Williams G. Finis for Novus Actus? // The Cambridge Law Journal*. 1989. Vol. 48. № 3. P. 392.

⁵² См.: *Reg v Roberts*, 56 Cr App R 95, 97 (1971).

⁵³ Кенни К. Основы уголовного права. М., 1949. С. 141.

⁵⁴ См.: *Simester A.P., Sullivan G.R. Criminal Law. Theory and Doctrine*. Oxford; Portland, 2003. P. 101.

⁵⁵ См.: *Stephenson v State*, 205 Ind 141 (1932).

являлось вполне обычным, принимая во внимание ее бедность и сельский образ жизни, и как следствие признал причинную связь имевшей место⁵⁶. В схожем французском деле (1927) свободно бегавшая собака покусала потерпевшего, который пренебрег соображениями гигиены и умер от столбняка. Хозяин собаки был осужден за неумышленное лишение жизни⁵⁷.

Достаточно спорным является решение вопроса об осознанных привходящих действиях третьих лиц в немецком праве. Теория причинности здесь ограничивается так называемой «теорией объективной вменимости», которая, впрочем, является дискуссионной в ее наполнении. Господствующая позиция сводится к тому, что вменение первому действующему преступного результата возможно, если привходящие действия настолько связаны с изначально созданной опасностью, что они имеют в ней обоснование или, иными словами, «цепляются» за его исходные действия, обусловлены ими, предсказуемы⁵⁸. Напротив, если привходящий субъект создает абсолютно новую опасность, единственно и самостоятельно повлекшую соответствующий результат, то причинная связь устраняется. Критерием «новой» причинности выступает, например, особая мотивация третьего лица, дополнительная опасность, создаваемая последним, или отсутствие значимой связи между ним и исходно действующим. В большинстве случаев вопрос об ответственности решается *ad hoc*⁵⁹.

Суммируя возможные решения, можно прийти к следующим выводам. Представляется необходимым зафиксировать четкое правило, согласно которому *осознанные привходящие действия третьего лица, в том числе потерпевшего, исключают причинную связь*⁶⁰. Это означает, что постольку, поскольку каждый человек является самостоятель-

⁵⁶ Приводится по: Burchell J., Milton J. Op. cit. P. 213–214.

⁵⁷ Приводится по: Pradel J. Op. cit. P. 441.

⁵⁸ Приводимое далее российское дело Беловых как раз и является таким примером: происходи события в Германии, оба несли бы ответственность за оконченное убийство, поскольку действия Белова были обусловлены действиями Беловой.

⁵⁹ См. общий обзор теории объективной вменимости: Жалинский А.Э. Указ. соч. С. 150–155.

⁶⁰ Это лишь общее правило, и из него могут быть сделаны изъятия, обоснованные, к примеру, В.Н. Кудрявцевым, которые требуют дальнейшего анализа. В частности, такое изъятие необходимо для особых составов преступления в уголовном законе, т.е. преступлений повышенной (расширенной) ответственности, по словам В.Н. Кудрявцева, связанных со специальной обязанностью по предотвращению вредного результата (см.: Кудрявцев В. Н. Указ. соч. С. 513). Например, в составе преступления, предусмотренном ст. 224 УК РФ, необходимо либо признать, что законодатель *de iure* фиксирует исключение из общего правила, либо переформулировать описание состава преступления со схемы «хранение → использование (1-е последствие) → тяжкие последствия (2-е последствие)» на, к примеру, «хранение → использование (одно последствие) + тяжкие последствия как следствие использования (обстановка совершения преступления)». Примером «нащупывания» судебной практикой таких изъятий может служить уголовное дело в отношении Б.В., осужденной по ч. 3 ст. 219 УК РФ.

Согласно обстоятельствам дела, Б.В., являясь заведующей общежитием и учебным корпусом, была обязана следить за обеспечением общежития необходимым оборудованием и средствами противопожарной защиты, контролировать выполнение правил противопожарной защиты; вести книгу записей санитарного пожарного надзора, устранять отмеченные недостатки; организовывать выполнение хозяйственных работ и обеспечивать надлежащее состояние противопожарной защиты; осуществлять контроль за соблюдением персоналом правил пожарной безопасности. Допущенные ею нарушения привели к тому, что двери эвакуационных выходов были закрыты на замок, и в ходе пожара погибло несколько человек, которые не смогли спастись. При этом источником пожара стал умышленный поджог со стороны неустановленных следствием лиц, что, на первый взгляд, прерывает причинную связь. Однако по справедливому замечанию суда, «пожарная безопасность, контроль за соблюдением которой... должна была осуществлять Б.В., представляет собой, прежде всего, состояние защищенно-

ным субъектом права, несущим полную ответственность за свои действия, осознанный им выбор опасного варианта поведения из доступных ему (употребление наркотических средств, попытка спастись бегством при изнасиловании⁶¹, кража имущества и т.п.) прерывает причинную связь между действием лица, поставившего его в соответствующие условия или ранее действовавшего, и наступившим последствием⁶².

Примером (хотя и небесспорным) прерванной причинной связи может служить дело Беловых, в котором через некоторое время после того, как Белова нанесла удар ножом в шею с целью убийства Н., ее муж, Белов, ударил Н. ножом в грудь, отчего наступила смерть потерпевшего⁶³. Действия Белова прервали причинную связь между действиями Беловой и гибелью Н., став самостоятельной новой причиной смерти последнего. Квалификация действий Беловой как покушения на убийство, а Белова — как убийства, поэтому является верной. Однако если следовать кассационному представлению в этом деле, в котором утверждалось о совместности их действий, тогда бы имела место одновременная кумулятивная причинность.

Корректным примером разрешения ситуации с прерванной причинной связью является дело К.О.А., обвинявшегося по ч. 2 ст. 143 УК РФ. Являясь лицом, на котором лежали обязанности по обеспечению и соблюдению правил техники безопасности или иных правил охраны труда, он нарушил п. 2.3.3.2. Межотраслевых правил по охране труда на автомобильном транспорте, направив водителей С. и Ф. на грузовом автомобиле в рейс по маршруту, часть которого проходила по льду Зейского водохранилища, зная при этом, что на акватории водохранилища нет санкционированных переправ, открытых для эксплуатации. В ходе движения машина провалилась под лед, вследствие чего С. и Ф. погибли. Однако в судебном заседании было установлено, что К.О.А. запрещал водителям движение на автомобиле по льду Зейского водохранилища в ночное время и был уверен, что работники выполнят его требования. Вместе с тем С. и Ф. самостоятельно выехали на лед в ночное время, отклонились от маршрута движения, что и привело к затоплению машины. Кассационная инстанция, оставляя оправдательный приговор без изменения, указала, что в деле отсутствует причинно-следственная связь: К.О.А. действительно на-

---

сти личности, включающей в себя не только обеспечение предупреждения пожаров, но и обеспечение безопасности людей в случае пожара, в первую очередь путем своевременной и беспрепятственной их эвакуации, которого были лишены Г.О., П.К. и Р.П. в результате преступной небрежности со стороны Б.В., выразившейся в том, что она, допуская указанные выше нарушения, не предвидела наступления тяжких последствий, хотя при надлежащем исполнении своих обязанностей могла и должна была их предвидеть. При указанных обстоятельствах суд пришел к правильному выводу, что причина пожара в виде умышленного поджога не может свидетельствовать об отсутствии в действиях Б.В. состава преступления, и обоснованно отверг доводы стороны защиты о том, что единственной причиной смерти потерпевших послужил умышленный поджог, последствий которого Б.В. не могла предвидеть» (см.: определение Судебной коллегии по уголовным делам Санкт-Петербургского городского суда от 9 августа 2011 г. № 22-4761/11 // СПС КонсультантПлюс). В данном деле специальная обязанность по предотвращению вредного результата распространяется в том числе и на случаи действий третьих лиц по причинению такого результата, и решение вопроса о причинной связи представляется обоснованным.

⁶¹ Как бы это цинично ни звучало, но, очевидно, неосмотрительной попытке спастись при изнасиловании, могущей кончиться гибелью, можно предпочесть вариант подвергнуться насилию.

⁶² Поэтому в широко обсуждавшемся в середине XX в. казусе, когда А, желая избавиться от Б, посылает его на курорт (вариант: в горы), в надежде, что последний утонет (сломает себе шею), и это событие действительно происходит, причинная связь отсутствует, потому что действия Б, поехавшего на курорт (в горы), были свободными осознанными действиями.

⁶³ См.: определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда от 7 сентября 2006 г. № 1-О06-21 // СПС КонсультантПлюс.

рушил Межотраслевые правила охраны труда на автомобильном транспорте (п. 2.3.3.2.), направив водителей Ф. и С. на грузовом автомобиле в командировку по маршруту, часть которого проходила по льду Зейского водохранилища при отсутствии разрешенных в установленном порядке и открытых для движения автомобильных переправ через это водохранилище. Однако причинно-следственная связь между этими нарушениями и наступившими вредными последствиями отсутствует, поскольку к гибели водителей привело не само по себе нарушение лицом, отвечающим за безопасность труда водителей правил, а грубая небрежность водителей, выразившаяся в нарушении известных им правил безопасности и требований проведенного с ними инструктажа, в том числе запрещающих выезжать на лед Зейского водохранилища в ночное время и отклоняться от разрешенного начальником участка маршрута⁶⁴. Иными словами, осознанные действия потерпевших исключают причинную связь в этой ситуации.

Однако мыслимы и иные решения вопроса. Так, можно пересмотреть теорию причинной связи и субъективной стороны состава преступления на предмет их сосуществования в этих сложных случаях, констатируя причинную связь в тех случаях осознанных привходящих действий третьих лиц, которые могли быть предвидимы как *реально возможные следствия* исходного поведения (тогда в случаях употребления наркотических средств, попытки спастись бегством при изнасиловании причинную связь можно констатировать, а в случае с кражей имущества и неосмотрительным поведением на транспорте — вряд ли). При таком подходе умысел и неосторожность, возникающие, в том числе и из «предвидения реально возможных следствий» (в данной ситуации), оправдывают вменение «необычного» (если рассматривать его со стороны) результата; «непредвидение реально возможных следствий», в свою очередь, такое вменение исключает.

Можно (следуя, в том числе зарубежному опыту) избрать путь исключений, и, принимая во внимание необходимость особой защиты потерпевших в опасных ситуациях (сексуальные преступления, употребление наркотических средств и т.п.), рассматривать их действия как не влияющие на причинную связь. Они являются вынужденными (в случае с сексуальным насилием) или несвободными в смысле отсутствия полной информированности о возможных следствиях (в случае с наркотическими средствами). Однако этот подход чреват неопределенностью в своем охвате и чрезмерной оценочностью (насколько действия являлись вынужденными⁶⁵? исходя из каких стандартов оценивать реакцию конкретного потерпевшего? где границы этого исключения?⁶⁶).

Наконец, вариантом решения может стать формулирование частных правил отнесения действий к «связанным» в описанных выше ситуациях, что позволит рассматривать их как случаи последовательной кумулятивной причинности.

(62) *Неосознанное вмешательство третьих субъектов* предполагает, во-первых, действия невиновные. В таких случаях исходно действующий «управляет» поведением

⁶⁴ См.: определение Судебной коллегии по уголовным делам Амурского областного суда от 22 декабря 2011 г. № 22-2412/11 // СПС КонсультантПлюс.

⁶⁵ Например, в деле Ю. и др. попытка одной из потерпевших спастись от изнасилования имела место тогда, когда они находились одни в комнате, без виновных; можно ли здесь утверждать об обоснованности реакции? (см.: Бюллетень Верховного Суда России. 1993. № 6. С. 5).

⁶⁶ Например, в деле Ф., закричавшего на проникших на конюшню мальчиков, после чего те побежали, один из них споткнулся и сломал ногу (приводится по: Кудрявцев В. Н. Указ. соч. С. 505). Исходя из общего правила, причинная связь между действиями Ф. и вредом здоровью исключается вследствие осознанного поведения потерпевшего; однако не являлись ли действия мальчика вынужденными?

лица, не отдающего вследствие различных причин себе полного отчета в том, что происходит (невменяемый, малолетний, лицо, не понимающее ситуации, например, по незнанию дающее яд другому, и т.п.)⁶⁷. Например, А просит Б принести ему некую вещь из дома В, якобы принадлежащую ему; Б соглашается и тем самым совершает кражу. Или А размещает эмиссионные ценные бумаги, выпуск которых не прошел государственной регистрации, которые приобретает Б, не зная об этом и в итоге претерпевая крупный ущерб. В этих случаях нельзя сказать, что Б действует и причиняет результат в уголовно-правовом смысле; он лишь орудие, механизм в руках А, и его действия не прерывают причинной связи, запущенной А⁶⁸. По справедливому замечанию английских авторов, такое неосознанное вмешательство (по незнанию или ошибке) по сути равнозначно действию сил природы⁶⁹.

Неосознанное вмешательство может, во-вторых, иметь место при неосторожных действиях третьего лица. Используя пример Н.С. Таганцева, если «кто-либо умышленно уговорил близорукого стрелять в лежащего под кустом человека, уверив его, что это заяц, тот выстрелил и убил наповал»⁷⁰, то стреляющий подлежит привлечению к уголовной ответственности по ст. 109 УК РФ за причинение смерти по неосторожности, а уговаривающий — по ст. 105 УК РФ за убийство путем посредственного исполнения. Причинная связь между действием уговаривающего и наступающим результатом не исключается в силу того, что неосторожное действие третьего лица не достигает той степени автономности и самостоятельности, которая присуща умышленным действиям, прерывающим цепь причинности⁷¹.

Изложенное подтверждается и теорией уголовного права. В трактовке Н.С. Таганцева, «присоединение деятельности, не вменяемой в уголовную вину ее учинившему»⁷², не устраняет причинной связи; однако применительно к неосторожности ответственность зависит от источника неосторожности: «Как скоро неосторожность была вызвана или обусловлена первоначальной деятельностью [причинная связь не устраняется]; и, наоборот, связь исчезает, как скоро неосторожное действие имело самостоятельный источник»⁷³.

В описанных вариантах исходно действующий рассчитывает на вмешательство третьих лиц. По-иному следует решать поставленную проблему в случае неожиданного вмешательства. Например, используя известный казус, виновный с умыслом на при-

⁶⁷ Иными словами, имеет место ситуация посредственного исполнения (ч. 2 ст. 33 УК РФ).

⁶⁸ См. подробнее: Кудрявцев В.Н. Указ. соч. С. 508–509.

⁶⁹ См.: *Simester A. P., Sullivan G. R.* Op. cit. P. 93.

⁷⁰ Таганцев Н. С. Указ. соч. С. 577.

⁷¹ Спорным в науке уголовного права является разрешение ситуаций с приводящими причинами в неосторожных преступлениях. Например, А с силой толкает В на проезжую часть, тот вследствие удара головой о твердую поверхность некоторое время остается неподвижным и его насмерть давит автомобиль под управлением Б, превысившего скорость и не сумевшего избежать наезда. Оставляя в стороне возможные частные варианты, квалификация действий Б по ч. 3 ст. 264 УК РФ не вызывает сомнений; а вот привлечение А к уголовной ответственности по ч. 1 ст. 118 УК РФ или, гипотетически, даже по ч. 1 ст. 109 УК РФ, будет зависеть от ответа на вопрос о сохранении причинной связи между его действием и наступившими последствиями. Исходя из сказанного ранее о прерывании причинной связи в случае с осознанным вмешательством третьих лиц, можно предположить, что цепь причинной связи, имеющая уголовно-правовое значение, должна быть продлена и за неосторожные действия. Однако повторим, что вопрос о причинной связи в неосторожных преступлениях требует отдельного анализа.

⁷² Таганцев Н.С. Указ. соч. С. 526. Аналогичную позицию см.: Шаргородский М.Д. Указ. соч. С. 109.

⁷³ Таганцев Н.С. Указ. соч. С. 527–528.

чинение смерти причиняет потерпевшему вред здоровью, и при попытке доставить последнего в больницу тот погибает в дорожно-транспортном происшествии⁷⁴. Здесь хотя и наступает результат, желаемый виновным, и можно говорить о причинной связи, однако, имеет место субъективная ошибка: сознанием исходно действующего не охватывалось такое развитие причинной связи. Это меняет квалификацию содеянного на покушение на убийство.

Неосознанное вмешательство третьих лиц не исключает причинности и в зарубежной судебной практике. Так, причинная связь, безусловно, имеет место тогда, когда поведение третьего лица не может быть охарактеризовано как «волимое» в самом широком смысле этого слова (вследствие малолетия, психического заболевания, отсутствия *mens rea*, принуждения и т.п. причин). Классический пример здесь восходит к 1840 г., когда мать ребенка, чтобы умертвить его, дала няне бутылочку с ядом, сказав при этом, что в ней находится лекарство. Няня не дала ребенку «лекарство», однако это без ее ведома сделал ее собственный ребенок пяти лет от роду. В напутствии присяжным председательствующий судья указал, что дача яда невиновно действующим лицом не исключает ответственности матери ребенка. Приговаривая обвиняемую к повешению, судья отметил, что и по его мнению, и по мнению остальных судей сессии «дача яда ребенком... являлась при данных обстоятельствах как вопрос права настолько же дачей яда, совершенной обвиняемой, как будто обвиняемая в действительности дала его собственной рукой»⁷⁵.

(63) Вмешательство *медиков* в цепь причинности представляет одну из самых сложных проблемных ситуаций; в причинении результата здесь сталкиваются сразу несколько причин, действие многих из которых к тому же в современных условиях все еще описывается в вероятностных терминах.

Как отмечает Д. Ормерод, неразвитость судебной медицины вплоть до XX в. вела к тому, что независимо от характера медицинского вмешательства и его искусности наступающие последствия всегда считались результатом действий обвиняемого⁷⁶. Поэтому П. Фейербах указывал, что «могло ли смертоносное последствие сего повреждения приостановлено быть помощью искусства, или неисцелимо было и смертельно» не влияет на ответственность причинившего его⁷⁷. Аналогичным образом Н.С. Таганцев отмечал, что «нанесение раны, имевшей смертельный исход, сохраняет характер причинной связи между действием лица, нанесшего рану, и смертью, хотя бы и было доказано, что при своевременной и хорошей врачебной помощи смертельный исход мог бы быть предотвращен...»⁷⁸.

⁷⁴ См.: Шаргородский М.Д. Указ. соч. С. 119.

⁷⁵ *Reg v Michael*, 9 Car & P 356, 358, 173 Eng Rep 867 (1840). Более того, суды в странах общего права идут иногда дальше; в частности, имел место случай, когда состояние необходимости, в котором действовало третье лицо, также было сочтено не исключающим причинной связи. В деле 1983 г. обвиняемый использовал свою беременную подружку в качестве своеобразного «щита» при перестрелке с полицией; полицейские были вынуждены открыть ответный огонь, и девушка была убита. Апелляционный Суд согласился с осуждением обвиняемого за простое убийство (*manslaughter*), указав, что, во-первых, акт самозащиты не может рассматриваться как добровольное действие третьей стороны, будучи вызван поведением обвиняемого, и что, во-вторых, действие во исполнение обязанности по предотвращению преступления также не может рассматриваться как добровольное действие (см.: *Reg v Pagett*, 76 Cr App R 279 (1983)).

⁷⁶ См.: Ormerod D. Smith and Hogan Criminal Law. 12th ed. Oxford, 2008. P. 84.

⁷⁷ Уголовное право. Сочинение доктора Павла Анзельма Фейербаха. С. 49–50.

⁷⁸ Таганцев Н.С. Указ. соч. С. 524.

В настоящее время теоретические подходы можно скорректировать, взяв в качестве основы известное дело З., осужденного в 1961 г. (следуя действующему уголовному закону) по ч. 4 ст. 111 УК РФ. В этом деле Верховный Суд СССР вполне обоснованно сформулировал правило, которое является основным при разрешении поставленного вопроса: причинная связь между деянием и последствием не исчезает даже в том случае, когда последствие, которое должно было наступить как результат деяния, не было устранено медицинским вмешательством, хотя могло быть устранено⁷⁹. За деянием в таком случае сохраняется значение причины, поскольку к нему в полной мере применимо правило *sine qua non*. Причинная связь между действием врача и наступившим последствием отсутствует постольку, поскольку результат наступил бы и без его вмешательства. Соответственно, когда последствие как результат данного деяния было невозможно, и наступило оно только вследствие неудачного медицинского вмешательства, причинная связь отсутствует.

Сложнее всего разрешить промежуточную ситуацию, в которой результат без медицинского вмешательства наступил бы, однако будь оно качественным, его бы не последовало: применяя правило *sine qua non*, выявляется причинная связь между действиями врачей и наступившим результатом. Однако до тех пор, пока действия медиков остаются невиновными или неосторожными, причинная связь, как было показано ранее в пункте (62), может и должна быть прослежена дальше, к умышленно или неосторожно действующему исходному субъекту⁸⁰.

Схожие подходы наблюдаются и за рубежом. Так, в странах общего права суды стремятся проводить разграничительную линию между действиями обвиняемого, остающимся действенной причиной наступившего результата, несмотря на неудачное медицинское вмешательство, и действиями, становящимися лишь исходным звеном в цепи причинности, в которой юридическую значимость приобретают уже действия врачей. Тем не менее, суды весьма осторожны в отнесении тех или иных случаев ко второй из отмеченных групп⁸¹. Во Франции (1982) Кассационный суд решил, что промедление хирурга в проведении операции, в результате которой жизнь потерпевшего была бы спасена, устраняет причинную связь между исходным действием (пулевым ранением) и наступившей смертью; при этом врач, в свою очередь, был осужден за неумышленное причинение смерти⁸².

* * *

В подавляющем большинстве случаев вопрос о причинной связи не вызывает сложностей. Если А с пары метров выстрелил в голову Б, то действия А, несомненно, являются *причиной смерти Б в уголовно-правовом смысле*; если А вынес из квартиры Б все ценное

⁷⁹ См.: Бюллетень Верховного Суда СССР. 1961. № 2. С. 33–34. Принципиальный момент в этом деле заключается в том, что смертельный исход мог быть *предположительно* предотвращен медицинским вмешательством. См. также, например: определение Судебной коллегии по уголовным делам Ленинградского областного суда от 1 сентября 2010 г. № 22-1562/2010 (причинная связь наличествует, поскольку «даже экстренно выполненная хирургическая операция потерпевшей по удалению субдуральной гематомы (кровоизлияния под твердую мозговую оболочку) не могла гарантировать наступление благоприятного исхода»).

⁸⁰ Это не бесспорное решение, и в науке встречаются иные точки зрения. См., напр.: Курс уголовного права. Общая часть: учебник. Т. 1: Учение о преступлении / под ред. Н.Ф. Кузнецовой, И.М. Тяжковой. М., 2002. С. 247–248.

⁸¹ См. подробнее: Ormerod D. Op. cit. P. 84–87.

⁸² Приводится по: Pradel J. Op. cit. P. 441.

имущество, то действия А являются *причиной* материального ущерба, понесенного Б. Можно, конечно, усложнить цепочку доказывания рассуждениями о причинах и условиях, необходимости и случайности, т.п. противоречивыми и дебатлируемыми философско-правовыми построениями, однако нужно ли это? Причинная связь в этих и подобных им случаях не требует напряжения усилий по ее установлению, будь то правило *sine qua non*, или правило адекватной причины, или правило необходимого причинения — результат будет одинаков. Лишь сложные случаи требуют расширенного обоснования и объяснения, и поскольку уголовно-правовая теория существует не ради себя, а ради реальной действительности, постольку она должна сформулировать применимые и понятные правила, не загромождая уголовное право не несущими целевой нагрузки построениями⁸³.

Универсальное правило для всех обрисованных ситуаций вряд ли можно выработать⁸⁴, однако, его основа, на наш взгляд, просматривается достаточно отчетливо в виде общего правила, которое в неявном виде, отрывочно, но уже давно сформулировано и в теории уголовного права, и в судебной практике: *деяние является причиной результата в уголовно-правовом смысле постольку, поскольку (1) оно предшествует ему во времени, (2) без него именно такой результат не наступил бы, и оно является (3) последним во времени (4) осознанным (5) человеческим деянием перед результатом.*

Условия (1) и (5) очевидны, и их критический и детальный разбор не имеет смысла.

Условие (2) отражает правило *sine qua non*, которым, несмотря на всю его критику (в большинстве своем надуманную), имплицитно пользуется судебная практика в России⁸⁵, и которое фактически общепризнано в зарубежных уголовно-правовых системах. Результат, наступивший бы независимо от анализируемого деяния, требует дальнейшего продвижения вглубь времени по цепи причинности; в равной мере с выявлением причины дальнейшее продвижение по цепи причинности не имеет смысла⁸⁶.

Условие (3) прослеживается почти во всех разобранных ранее ситуациях. Оно превращает *фактическую* причину события в *юридическую*: используя пример П. Эртмана (с «легкой руки» А.А. Пионтковского ставший краеугольным камнем критики правила *sine qua non*⁸⁷), я, гуляя с собакой, остаюсь фактической, но не юридической причиной гибели гуляющего. При этом временной фактор не следует понимать механистически

⁸³ Эхом этих слов может послужить цитата из одного шотландского судебного решения: «Право всегда должно было искать некий компромисс в доктрине причинности. Проблема эта скорее практическая, чем интеллектуальная. Легко и привычно запутать ее в сетях тонкостей, но установка права заключается в том, что целесообразность и здравый смысл требуют провести так или иначе границу для практических целей, и в проведении такой границы суду следует руководствоваться скорее практическим опытом разумного человека, чем теоретическими спекуляциями философа» (см.: *Blaikie v British Transport Commission*, 1961 SC 44, 49).

⁸⁴ Это признается и в зарубежной литературе (см., например: *Simester A.P., Sullivan G.R.* Op. cit. P. 102–103).

⁸⁵ Например: «При этом несовершение необходимого действия либо совершение запрещаемого действия должно быть обязательным условием наступившего последствия, то есть таким условием, устранение которого (или отсутствие которого) предупреждает последствие» (см.: определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 3 марта 2015 г. № 13-УД15-1 // СПС КонсультантПлюс).

⁸⁶ Исключением являются случаи соучастия, когда анализ причинности должен быть остановлен, строго говоря, на исполнителе; ответственность иных соучастников в этой ситуации «акцессорна» от ответственности исполнителя, и причинная связь если и может быть прослежена, то между действиями первых и последнего. Однако это *особое изъятие*, регулируемое *отдельными нормами уголовного права*. Ср.: Шаргородский М.Д. Указ. соч. С. 111; *Williams G.* Op. cit. P. 397–398.

⁸⁷ См.: Курс советского уголовного права. Часть общая. В 6 т. Т. II: Преступление. М., 1970. С. 172.

(или абсолютизировать его), поскольку случаи альтернативой и последовательной кумулятивной причинности соответствуют временному условию, лишь если лежащие в основе их действия могут рассматриваться хронологически как единые.

Условие (4), как было показано ранее, в самом общем виде разрешает проблемные ситуации приводящих причин.

Это лишь общее «рабочее» правило, и оно, конечно, ограничивается изъятиями и уточнениями, часть из которых была раскрыта выше и которые требуют отдельного обоснования. Кроме того, деяние, о котором говорится, что оно есть причина результата, еще не предопределяет ответственности его совершившего, поскольку вопрос о вине требует отдельного решения. Последний тезис отвечает также на критику в адрес правила *sine qua non* о чрезмерном расширении «объективных рамок ответственности»⁸⁸: эти объективные рамки еще не предопределяют ответственности, так как могут отсутствовать признаки субъективной стороны состава преступления.

Предвидя возможные упреки в игнорировании философских воззрений, примитивизации причинной связи, отметим еще раз, что право остается правом, а философия — философией⁸⁹. Проблемы детерминизма, необходимости и случайности, причин и условий и т.п. принадлежат не уголовному праву⁹⁰; последнее оперирует более простыми представлениями, для которых как раз и подходит правило *sine qua non*. Все обозначенное *может* и *должно* обсуждаться, но лишь постольку, поскольку итогом являются реально работающие и ясные в своем применении правила.

⁸⁸ Полный курс уголовного права / под ред. А. И. Коробеева. В 5 т. Т. I: Преступление и наказание. СПб., 2008. С. 375.

⁸⁹ Вряд ли можно согласиться с широко распространенными утверждениями, согласно которым «проблема причинной связи носит... философский характер. Не существует какого-то особого юридического или уголовно-правового представления о причинной связи» (см.: Полный курс уголовного права / под ред. А. И. Коробеева. Т. I: Преступление и наказание. С. 370). Авторы, начинающие анализ причинной связи с подобных утверждений, в итоге проводят в лучшем случае обзор существующих позиций с туманным изложением неких, впрочем, малоприменимых, общих правил.

С сожалением приходится констатировать, что именно такой подход присущ большинству значимых общих работ по уголовному праву, вышедших в последнее время (см., напр.: Курс уголовного права. Общая часть: учебник. Т. 1: Учение о преступлении. С. 241–256; Уголовное право России. Общая часть: учебник / под ред. Н.М. Кропачева, Б.В. Волженкина, В.В. Орехова. СПб., 2006. С. 421–435; Российское уголовное право. Общая и Особенная части: учебник. В 3 т. Т. 1: Общая часть / под ред. Н.А. Лопашенко. М., 2014. С. 218–229). Между тем, по меткому замечанию А.Э. Жалинского, «философские взгляды на причинность в структуре объективной стороны не могут аргументировать признания лица уголовно ответственным» (см.: Уголовное право: учебник. Т. 1: Общая часть / под ред. А.Э. Жалинского. С. 405).

Достаточно взвешенный критический анализ с обобщением основных сложившихся в науке точек зрения дан в работе А.А. Музыки и С.Р. Багирова (см.: Музыка А.А., Багиров С.Р. Причинная связь: уголовно-правовой очерк. Хмельницкий, 2009). Следует согласиться с мнением указанных авторов, что в современной науке наблюдается тенденция в сторону создания «частных» теорий причинности, связанных с отдельными группами преступлений. По нашему мнению, это связано с бесплодностью до сих пор предпринимающихся и потому отчасти наивных попыток «снять противоречия между философией вопроса о причинности и уголовно-правовыми представлениями о ней... выработать учение о причинной связи, равно применимое к разным формам и видам преступных деяний (преступлениям с материальными и формальными составами и др.)» (см.: Соктоев З.Б. Теории «адекватной» причинности и «необходимого причинения» в уголовном праве // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2012. № 3. С. 64).

⁹⁰ Поскольку иначе последнему пришлось бы задаваться излишними вопросами, что является, к примеру, причиной смерти: воспламенившийся в заряде порох или металл пули, или слабость человеческого организма, «не переваривающего» металл, и т.п.

Библиография

- Жалинский А.Э. Современное немецкое уголовное право. М.: Проспект, 2004. 560 с.
- Кудрявцев В.Н. Избранные труды по социальным наукам. Т.1. М.: Наука, 2002. 566 с.
- Музыка А.А., Багиров С.Р. Причинная связь: уголовно-правовой очерк. Хмельницкий: Хмельницкий университет управления, 2009. 112 с.
- Полный курс уголовного права / под ред. А.И.Коробеева. В 5 тт. Т.1. Преступление и наказание. СПб.: Юридический центр Пресс, 2006. 1131 с.
- Российское уголовное право: учебник / под ред. Н.А.Лопашенко. В 3-х тт. Т.1. Общая часть. 2-е изд. М.: Юрлитинформ, 2014. 719 с.
- Уголовное право: учебник. В 3-х тт. Т.1. Общая часть / под ред. А.Э. Жалинского. М.: Городец, 2011. 864 с.
- Уголовное право России: учебник. Общая часть / под ред. Н.М.Кропачева и др. СПб.: Издательский дом СПбГУ, 2006. 1064 с.
- Ashworth A. *Principles of Criminal Law*. 4th ed. Oxford: University Press, 2003. 512 p.
- Burchell J., Milton J. *Principles of Criminal Law*. 3rd ed. Lansdowne: Juta, 2005. 1047 p.
- Ferguson P.R., McDiarmid C. *Scots Criminal Law. A Critical Analysis*. Dundee: Dundee University Press, 2009. 440 p.
- Ormerod D. *Smith and Hogan Criminal Law*. 12th ed. Oxford: University Press, 2008. 1142 p.
- Pradel J. *Droit pénal. Tome 1. Introduction générale. Droit pénal général*. Onzième édition. Paris: Cujas, 1996. 872 p.
- Simester A.P., Sullivan G.R. *Criminal Law. Theory and Doctrine*. Oxford: Hart Publishing, 2003. 697 p.
- Turner J.W. C. *Russell on Crime. A Treatise on Felonies and Misdemeanours*. 10th ed. Vol. I. London: Stevens, 1950. 941 p.
- Wessels/Beulke. *Strafrecht. Allgemeiner Teil. Die Straftat und ihr Aufbau*. 39 Aufl. Heidelberg: C.F. Müller, 2009. 390 p.

Causation in Non-Ordinary Situations: Case Law and Criminal Law Theory

Gennady A. Esakov

Professor, Head of the Department of Criminal Law and Criminalistics, National Research University Higher School of Economics, Doctor of Juridical Sciences. Address: 20 Myasnitskaya Str., Moscow, 101000, Russian Federation. E-mail: gesakov@hse.ru

Abstract

The article is devoted to non-ordinary cases of causation in criminal law. The author starts with the critical review of general theories and blames them for their ineffectiveness in dealing with specific cases connected with the multiplicity of causes, victim's condition, intervention of other actors. All these cases are divided into three groups, namely 'aggregate causality', 'atypical causality' and 'intervening causality'. With regard to each group there are formulated general rules of imputation of liability based primarily on idea of *conditio sine qua non* and limitation of liability. The author reveals the interaction between different modes of causation i.e. transformation of 'aggregate causality' into 'intervening causality'. Review of case law allows to formulate clear rules of imputation of liability distilled from philosophical and theoretical overburdened constructs. With regard to various specific types of non-ordinary causation, there are proposed as possible different approaches based either on strict adherence to objective view on causation and limitation of liability as a consequence or on more flexible approach allowing imputation of liability in morally and socially blameworthy cases. Theory and practice of common law and continental law systems are also widely used as a supporting basis for some propositions. The article concludes with proposed general rule. However, this general rule may be subjected to further

clarifications and exemptions. The author also urges not to try to elaborate in future the general theory of causation applicable to the whole body of criminal law. Instead it is expected development of special rules much needed in real practice.

Keywords

causation, *conditio sine qua non*, equivalence theory, intervening cause, break of causation, imputation of consequence.

Citation: Esakov G.A. (2016) Causation in Non-Ordinary Situations: Case Law and Criminal Law Theory. *Pravo. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki*, no 1, pp. 81–102 (in Russian).

DOI: 10.17323/2072-8166.2016.1.81.102

References

Ashworth A. (2003) *Principles of Criminal Law*. 4th ed. Oxford: OUP, 512 p.

Burchell J., Milton J. (2005) *Principles of Criminal Law*. 3rd ed. Lansdowne: Juta, 1047 p.

Ferguson P.R., McDiarmid C. (2009) *Scots Criminal Law. A Critical Analysis*. Dundee: Dundee University Press, 440 p.

Kudryavtsev V.N. (2002) *Izbrannye trudy po sotsial'nyim naukam. V 3 t. T. 1.* [Selected Works on Social Sciences. In 3 vols. Vol. 1]. Moscow: Nauka, 566 p. (in Russian)

Korobeev A.I. (ed.) (2008) *Polnyy kurs ugolovnogo prava* [Complete Course of Criminal Law]. *Prestuplenie i nakazanie* [Crime and Punishment]. Saint Petersburg: Yuridicheskiy tsentr Press, 1131 p. (in Russian)

Kropachev N.M., Volzhenkin B.V., Orekhov V.V. (eds.) (2006) *Ugolovnoe pravo Rossii. Obshchaya chast': uchebnik* [Russian Criminal Law. General Part. Textbook. Saint Petersburg: Izdatel'skiy dom SPbGU, 1064 p. (in Russian)

Lopashenko N.A. (2014) *Rossiyskoe ugolovnoe pravo. Obshchaya i Osobennaya chast': uchebnik*. [Russian Criminal Law]. T. 1. *Obshchaya chast'* [Vol. 1. General Part]. Moscow: Yurlitinform, 719 p. (in Russian)

Muzyka A.A., Bagirov S.R. (2009) *Prichinnaya svyaz': ugolovno-pravovoy ocherk* [Causality: Criminal Law Essay]. Khmel'nitskiy: Khmel'nitskiy universitet upravleniya, 112 p. (in Russian)

Ormerod D. (2008) *Smith and Hogan's Criminal Law*. 12th ed. Oxford: OUP, 1142 p.

Pradel J. (1996) *Droit pénal. Introduction générale. Droit pénal général*. Onzième éd. Paris: Cujas, 872 p.

Simester A.P., Sullivan G.R. (2003) *Criminal Law. Theory and Doctrine*. Oxford: Hart Publishing, 697 p.

Turner J.W. (1950) *Russell on Crime. A Treatise on Felonies and Misdemeanours*. 10th ed. Vol. I. London: Stevens, 941 p.

Wessels/Beulke (2009). *Strafrecht. Allgemeiner Teil. Die Straftat und ihr Aufbau*. 39. Aufl. Heidelberg: C.F. Müller, 390 p.

Zhalinskiy A.E. (ed.) (2011) *Ugolovnoe pravo: uchebnik. T. 1: Obshchaya chast'*. [Criminal Law: Textbook. Vol. 1. General Part]. Moscow: Gorodets, 864 p. (in Russian)

Zhalinskiy A.E. (2004) *Sovremennoe nemetskoe ugolovnoe pravo* [Contemporary German Law]. Moscow: Prospekt, 560 p. (in Russian)